

Оглавление

Благодарности	8
Введение	10
Глава 1. Провинциальное местное общество.	17
1.1. Местное общество	18
1.2. Типология местных обществ	23
Глава 2. Методология	29
2.1. Методология и метод	29
2.2. Эмпирические материалы	35
Глава 3. Формальная и неформальная экономики провинции	41
3.1. Две экономики провинции	42
3.2. «Первая экономика»	45
3.3. «Вторая экономика»	48
3.4. Связь неформальных хозяйственных практик с селитебной структурой	55
Глава 4. Местная формальная экономика	60
4.1. Бюджетная сфера	60
4.2. Сфера материального производства	67
4.3. Сфера услуг	69
Глава 5. Домашние промыслы.	75
5.1. «Ресурс» как критерий классификации промыслов	77
5.2. Архаические и современные промыслы	86
5.3. Многообразии домашних промыслов населения	98
5.4. Промысловые практики в разных местных обществах	102

5.5. Промысловые практики в отдельных общинах и поселениях	111
5.6. Модель «промысловой эволюции»	117
Глава 6. Малый бизнес и индивидуальное предпринимательство	126
6.1. Малый бизнес	126
6.2. «Гаражная экономика» и теневое индивидуальное предпринимательство	129
Глава 7. Архаическая экономика: отходничество	135
7.1. Специфика внутренней возвратной трудовой миграции	136
7.2. Отходничество в имперской России	138
7.3. Короткая история отходничества в советский период	144
7.4. Два периода развития современного отходничества	148
7.5. Состав современных отходников	153
7.6. Характерные черты современного отходника	157
7.7. Отходничество как новый экономический политический фактор	161
Глава 8. Архаическая экономика: «рассеянные мануфактуры»	168
8.1. История «рассеянной мануфактуры»	169
8.2. Признаки классической и современной российской «рассеянных мануфактур»	173
8.3. Особенности организации «рассеянных мануфактур»	177
8.4. Общие черты современных «рассеянных мануфактур»	186
8.5. Концепция промысловой и технологической уникальности	190
8.6. О причинах реновации архаических экономических институтов — отходничества и «рассеянных мануфактур»	193

Глава 9. Типы обществ и виды промыслов.	197
9.1. Тип изолированных обществ естественного развития	201
9.2. Тип изолированных обществ принудительного развития	205
9.3. Типы «ординарных» обществ естественного и принудительного развития	209
9.4. Тип «турбулентных» обществ естественного развития	215
9.5. Тип «турбулентных» обществ принудительного развития	218
9.6. Типические различия промысловых практик	220
Заключение. Десять преимуществ неформальных промысловых практик в жизнеобеспечении домохозяйств	226
Приложение	231
Библиография	248

Благодарности

Инициатива моих исследований промысловых практик населения провинциальных местных обществ исходила от проф. С.Г. Кордонского и коллеги А.Б. Павлова. Начиная с 2015 г., когда на семинаре Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники» они обратили особое внимание на промысловые практики домохозяйств, я осуществляю полевые наблюдения этой хозяйственной деятельности населения. В течение всех последних лет мы вели напряженные дискуссии по данной проблематике на ежегодных семинарах Фонда, что помогло мне уточнить многие специальные вопросы по этой теме. Ряд статей, которые предшествовали монографии и материалы которых использованы здесь, были опубликованы мной с С.Г. Кордонским совместно.

Эмпирические материалы собирались во время проведения 47 экспедиций, большинство из которых финансировалось Научным фондом Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и программой «Открываем Россию заново». Два проекта Научного фонда НИУ ВШЭ были специально посвящены моим исследованиям промысловых практик населения: проект № 17-01-0027 «Архаические элементы в структуре современного российского общества» в 2017–2018 гг. и проект № 19-01-67 «Промыслы провинции: организация неформальных экономических практик населения» в 2019–2020 гг. Несколько экспедиций программы «Открываем Россию заново» НИУ ВШЭ были специально посвящены изучению неформальных хозяйственных практик населения в 2017–2019 гг. Я привлекал к участию студентов, аспирантов и молодых преподавателей университета. К настоящему времени это большая группа исследователей, насчитывающая полторы сотни человек. Среди них считаю необходимым особо отметить с благодарностью за участие в нескольких экспедициях и обсуждение вопросов А.А. Позаненко, О.А. Моляренко, Л.Г. Романову, С.С. Селева, В.М. Плюснина, Г.А. Сталинова, А.В. Гришечкина, М.С. Оляну-

ка, О.Д. Писарева, Е.В. Степанову, И.Д. Иващенко, И.И. Зарипова, А.С. Пьянову, А.С. Шукюрова, Г.А. Клименко.

Кроме того, часть материалов была получена с привлечением средств Фонда социальных исследований «Хамовники» в 2016–2018 гг. (проект № 2016 001 «Этно-социальный потенциал территории: жизненные установки и экономическое поведение населения Еврейской автономной области»), а также по результатам проекта «Социальная структура российского провинциального общества», осуществлявшегося на пожертвования Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники» в 2011–2015 гг. (проекты № 2011-002, № 2013-007).

Введение

Провинциальный промысел — это прежде всего самостоятельная хозяйственно-экономическая активность домохозяйства, использующая собственные средства и технологии и направленная на жизнеобеспечение (выживание) семьи и достижение иных, как правило социальных, целей. Это определение акцентирует внимание на преимущественно неформальном характере промысловой деятельности населения, включающей нерыночные обмены, имеющей главным образом не экономический, а хозяйственный акцент и связанной с низовой структурой локального сообщества (см. также: [Павлов, Селеев, 2015, с. 26]).

Неформальная занятость (самозанятость) российского населения в постсоветский период приобрела очень значительные масштабы. Они особенно внушительны в провинциальных местных обществах, где от 1/3 до 1/2 и более всего трудоспособного населения занято не в местной экономике, а обеспечивает себя за счет промыслов самого разного вида (см.: [Плюснин и др., 2013], здесь же мы даем развернутое определение самозанятых отходников, с. 14–26). Между тем, несмотря на понимание масштабов и значения самозанятости в среде экономистов и социологов, до сих пор не существует детализированного эмпирического описания видов и форм промысловой активности населения, находящейся вне поля формальной экономики. Одна из главных причин этого состоит в необходимости изучения таких практик на основе непосредственных наблюдений, поскольку статистическими методами и анкетными опросами многообразие промысловых практик провинции не может быть выявлено.

Проблема также заключается в систематизации форм и видов промыслов домохозяйств провинциальных местных обществ и в типологии промысловых практик в зависимости от региона и вида поселения (деревня, село, город) и, соответственно, основной занятости населения. Безусловно, важна и география местности, эко-

лого-климатические условия, которые определяют специфические виды промысловых практик, их распространенность на территории. До середины прошлого века исследований кустарных промыслов было очень много, тем не менее систематического описания промыслов до сих пор нет. Да и сам я мои собственные попытки систематизации промысловой активности населения не рассматриваю как успешные, поскольку не определен исчерпывающий список критериев и не выделены единые основания. Слишком разнообразны практики, физические, экономические и социальные условия их реализации. Требуется более широкие эмпирические исследования.

Между тем и в наше время эта неформальная хозяйственно-экономическая активность очень масштабна и разнообразна. Во многих случаях она является основным или единственным источником жизнеобеспечения домохозяйств, особенно в провинции. При этом такая активность, оставаясь преимущественно неформальной и теневой, вызывает все большее беспокойство органов государственной и местной власти, фискальных институтов. Самые яркие последние примеры — проблема двух десятков миллионов российских отходников (внутренних возвратных трудовых мигрантов) [Plusnin et al., 2015] и, шире, всего самозанятого населения, численность которого даже официальной статистикой оценивается теперь в более чем 40 млн человек: *«Тут накопилась масса негативных явлений. В России из 86 млн граждан трудоспособного возраста только 48 млн работают в секторах, которые нам видны и понятны. Где и чем заняты все остальные, мы не понимаем»* [Второе пленарное заседание..., 2014]). Подавляющая часть этих самозанятых работников, как бы отсутствующих в местной экономике, занята как раз промыслами.

Исследования промысловых практик населения, особенно неформальной хозяйственно-экономической активности, необходимо разделить на три отчетливо различающихся периода:

- 1) примерно до середины XX в., когда исследования были многочисленны, отражая масштабность промысловой активности крестьянского населения Российской империи и СССР;
- 2) послевоенный советский период, для которого характерно практически полное отсутствие исследований;

3) постсоветские годы — период возобновления исследовательского интереса к неформальным экономическим практикам населения.

В первый период дореволюционная и советская довоенная промышленная активность (кустарное производство) и кооперативное движение населения России были масштабны и превосходили, по многим оценкам, аналогичную экономическую активность населения во всех других государствах Европы (см., например: [Торгово-промышленная Россия, 1899; Кустарная промышленность России..., 1913; *The Cambridge Economic...*, 1978; Кулишер, 2004; Гиндин, 1925; Минц, 1926; 1929; Владимирский, 1927; Blum, 1992; Водарский, Истомина, 2004; Павлов, Селеев, 2015]). Однако с середины XX в. такие исследования прекратились, что стало прямым следствием целенаправленного разрушения самостоятельной промышленной активности населения, включая кустарное производство и промышленную кооперацию [Blum, 1992; Селеев, Павлов, 2016]. В постсоветский период, особенно начиная с 2000-х годов, такие исследования возобновились, что, по-моему, в равной степени вызвано как кризисными явлениями в российской экономике [Бувев, 2010; Чепуренко, 2008; Алимова и др., 2011; Гимпельсон, Капелюшников, 2014], так и новыми мировыми экономическими тенденциями, в частности распространением неформальной, неполной и негарантированной занятости [Скотт, 1999; Ильин, 2010; Барсукова, 2003а; 2004; 2015; *Linking the Formal...*, 2006; Коклан и др., 2010; Стэндинг, 2014; Collier, 2013; Dekkers, Bennett, 2009; Barsukova, Radaev, 2012; Kostakis, Bauwens, 2014; Kühnle, Bitsch, 2015; Bopp, 2010; *The Global Encyclopedia...*, 2018; Plusnin et al., 2015].

Эти три последних аспекта занятости (распространение неформального, неполного по продолжительности труда и отсутствие гарантированной оплаты), безусловно, предполагают нарастание интересов исследователей к промышленным практикам населения. Тем более что такие хозяйственно-экономические практики в провинциальной России многообразны и широко представлены. Несомненно, важно и то, что они по преимуществу являются неформальными (теневыми, в том числе и незаконными) способами жизнебе-

спечения населения и составляют до половины и более совокупного дохода среднего домохозяйства.

На разных территориях промыслы сильно разнятся в зависимости от природных условий (лесные, водные или земельные ресурсы, эколого-климатические условия), от социально-демографических (плотность населения и характер его расселения), социально-экономических (специализация местных экономик, исторически сложившиеся основные модели жизнеобеспечения домохозяйств и т.п.), инфраструктурных характеристик (транспортная, промышленная, энергетическая, селитебная и коммунальная структура), а также и от социально-политической ситуации (возникновение критических явлений в экономике и сопровождающие их политические кризисы, жизнь в условиях мобилизации).

В результате действия специфической совокупности условий на отдельных территориях формируются специфические же, нередко уникальные, виды промысловых практик. Исследования нашей группы, осуществляемые под руководством С.Г. Кордонского, позволили выявить и описать такие специализированные и массовые виды промыслов, как отходничество [Плюснин и др., 2013; Plusnin et al., 2015], «рассеянная мануфактура» [Кордонский, Плюснин, 2018; Plusnin, Kordonsky, 2020], «гаражная экономика» [Павлов, Селеев, 2015; Селеев, Павлов, 2016], архаические и современные промыслы на основе добычи и использования натуральных и инфраструктурных ресурсов [Плюснин, 2018a; 2022], особые практики «народного освоения» государственных ресурсов [Кордонский, 2000; Вахитов, 2017].

Предмет данного исследования — промысловая активность домохозяйств в провинциальных местных обществах: в малых и средних городах, их пригородах, и в сельской местности России, где население в силу низких денежных доходов при формальной занятости вынуждено искать разнообразные иные источники дохода. Поэтому объектом исследования стали не отдельные домохозяйства, а местные общества и общины в их составе. В силу этого в следующей главе я определяю концептуальные рамки, охватывающие промысловые практики домохозяйств в контексте локальных социальных взаимодействий. Эмпирическим основанием реализации

этого проекта явились мои полевые социологические исследования последних двух десятилетий, позволившие сформулировать несколько взаимосвязанных гипотез, проверяемых в данной работе.

Базовая (исходная) гипотеза: формы и виды промысловой активности домохозяйств различаются в зависимости от типа и масштаба поселений. Как было показано нами ранее [Плюснин и др., 2013; Plusnin et al., 2015], отхожие промыслы (возвратная трудовая миграция) характерны преимущественно для сельской местности и таких малых городов, которые фактически являются селами вследствие полного отсутствия местного рынка труда в последние 30 лет. В малых городах (в том числе моногородах), где в советские годы имелось специализированное производство, сформировались такие своеобразные виды промысловой активности, как «рассеянные мануфактуры». В провинциальных средних и крупных городах, где местный рынок сравнительно развит, но недостаточен для полной занятости населения, сформировалась «гаражная экономика» — промыслы, реализуемые на базе гаражных кооперативов. На фоне этих хотя и массовых, но специфических архаических промысловых практик повсеместно присутствуют разнообразные промыслы домохозяйств, практикуемые на месте, дома (поэтому я условно называю их домашними промыслами). Они осуществляются с использованием самых разных видов ресурсов.

Вторая гипотеза: на уровне провинциальных местных обществ в целом поддерживается многообразие форм промысловой активности, хотя отдельные домохозяйства и специализируются в разных видах промыслов. Таким образом, в сообществе сосуществуют как традиционные, архаические виды промыслов, так и современные, вновь создаваемые на основе новых ресурсов. Предполагается, что это обеспечивает хозяйственно-экономическую устойчивость местного общества.

Третья гипотеза: хозяйственно-экономическая активность каждого домохозяйства имеет тенденцию к специализации в одном или немногих видах промыслов. Выбор домохозяйством одного или немногих видов промыслов обусловлен двумя факторами: снижением трудозатрат и ростом маржинальности. В случае, если это приносит сколько-нибудь ощутимую выгоду, домохозяйство начинает специ-

ализироваться, оставляя другие виды практик. Возможна иррадиация наиболее выгодных и наименее трудоемких практик сначала в границах отдельных поселений, затем в границах общин и целых местных обществ. В результате этого происходит промысловая специализация: большинство домохозяйств местного общества заняты одними и теми же немногими видами промыслов. Со временем специализация снижает экономическую устойчивость таких обществ и сопротивляемость неблагоприятным внешним воздействиям. Предполагаю, что это одна из причин появления «выморочных» поселений уже в наше время, в последние 30 лет постсоветского периода. Устойчивость снижается сильнее, и «выморачивание» поселений происходит быстрее в случае специализации местных обществ в современных видах промыслов. В случае же сохранения архаических видов промыслов, даже если большинство домохозяйств специализируются в них, местные общества сохраняют значительную устойчивость к неблагоприятным внешним воздействиям.

В соответствии с этими тремя выдвинутыми гипотезами мной планировались следующие основные результаты, зафиксированные в качестве задач исследования:

- 1) доказательство промысловой специализации обществ в зависимости от типа поселений;
- 2) доказательство сочтанности архаических и современных видов промыслов;
- 3) доказательство предположения, что хозяйственно-экономическая активность каждого домохозяйства имеет тенденцию к специализации, а это в результате приводит к промысловой специализации всего местного общества и может стать причиной его социальной деградации и снижения устойчивости к внешним воздействиям.

Помимо теоретической значимости работы — описательного и объяснительного характера исследований — я вижу и немалую практическую ее значимость. Это обусловлено масштабностью явления неформальной промысловой активности населения, ее жизненной значимостью для людей. Кроме того, результаты могут иметь значение для практики государственного и муниципального управления,

во-первых, хотя бы в силу их фискальной ценности, а во-вторых — как основное условие и база для развития индивидуального предпринимательства, малого и среднего бизнеса. Исследование многообразия и уникальности таких промысловых практик позволяет, в интересах государственного управления, дать оценки социально-экономической и социально-политической устойчивости провинциального российского общества в ситуации складывающихся на наших глазах перманентных внешних угроз и возрастания внутренних экономических и социально-политических рисков. Насущная необходимость перехода не только к мобилизационной экономике, но и к мобилизационному управлению требует особо высокой устойчивости «низового общества». А именно практики жизнеобеспечения, относительно независимые от формальной экономики, и являются, по моему мнению, той основой, которая обеспечит социальную и политическую стабильность нашего общества.

Глава 1

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ МЕСТНОЕ ОБЩЕСТВО

«Провинциальное общество» есть, по сути, всего лишь отвлеченная социологическая конструкция, определяемая в терминах периферии и центра (см. подробнее: [Плюснин, 2022, с. 24–27]). Как таковое оно не является ни обозримым, ни целостным, ни даже реальным объектом. Это лишь совокупность множества локальных сообществ. При этом само сообщество есть также лишь в ограниченной степени целостный объект, поскольку состоит оно всегда из нескольких общин. В редких особых случаях сообщество состоит из одной общины. Каждое такое локальное общество связано со своими соседями в значительной, малой или почти никакой (исчезающе малой) степени. Чем выше степень пространственной изоляции, тем более целостным, самодостаточным представляется сообщество и тем оно все больше приближается к одной-единственной общине. Когда, напротив, разнообразные связи очень сильны, локальное сообщество почти растворяется в своих соседях и выделить его как особость, определить, где проходят границы (помимо административных) территориальные и социальные, практически не представляется возможным. Такие почти «растворенные» сообщества невозможно выделить как отдельность, как особый социальный объект, если только не обращаться к социальной самоидентификации их членов (по проблеме социальных границ см. специально: [Tajfel, Turner, 1979; Social Identity and Intergroup..., 2010; Gowland, Thompson, 2013]).

Напротив, более содержательным понятием является «провинциальное местное общество». Я определяю его как территориально организованную совокупность общин, члены которых связаны род-

ством, соседством и реципрокной поддержкой, обитают на общей, контролируемой собственными силами территории и ведут экономическую деятельность, основу которой и составляет неформальная экономика (промыслы), на принципах кооперации и координации (более подробно дефиниция местного общества представлена в [Плюснин, 2022, с. 27–28]). Отдельные общины поддерживаются механизмами самоорганизации, а их базовые институты сохраняют архаические элементы в значительной степени. Прочность связей между общинами обеспечивается исторической общностью и государственными административными механизмами. В связи со сказанным необходимо определить популяционный, территориальный, а также пространственный и административный аспекты организации местного общества.

1.1. Местное общество

Первым ключевым вопросом о провинциальном местном обществе является вопрос о его составе. Я называю это проблемой социально-территориальной организации [Там же, 2022, с. 35–39]. Любое местное общество составлено из нескольких территориальных общин, в предельном случае (обычно изолированном) образовано одной общиной. Провинциальная община, не только сельская, но и городская (что специфично именно для российских условий), является самоорганизующимся объединением домохозяйств, связанных соседско-родственными, реципрокными социальными, кооперативными хозяйственными и эмпатийно-чувственными отношениями, а в более широком социальном масштабе — принадлежностью к одной культуре. Самосознание членов такого самоорганизованного сообщества, общины, полагает себя локальным единством, тем самым ассоциируя контролируемую ими территорию с «малой родиной».

Большинство современных местных обществ состоит не из одной общины, а из одного-двух десятков общин. Обычно община конституируется в составе не одного населенного пункта, а *куста* нескольких небольших поселений. Отдельными поселениями община бывает представлена в центре и на юге Европейской России,

на Урале, на юге и крайнем севере Сибири. Такие отдельные поселения-общины достаточно велики, нередко их численность составляет от нескольких тысяч до полутора десятков тысяч человек. Община-поселение может контролировать территорию от нескольких квадратных километров (на юге) до нескольких десятков квадратных километров (в центре). Иначе дело обстоит на Русском Севере и на западе России. Здесь община состоит из куста деревень, который называется «округой», или «сельской округой» (ранее просто «округа» или «куст»); это несколько деревень и сел (до нескольких десятков), тесно связанных территориально, исторически и экономически. Обычно «куст» или «округа» представлены жителями, находящимися в разных степенях родства, поскольку подавляющее большинство их проживает безвыездно на территории в течение нескольких поколений. Различия в первом и втором случаях — между общинами, состоящими только из одного поселения и общинами-«кустами», включающими несколько небольших деревень, — обусловлены большей численностью поселений и меньшей контролируемой площадью территории центральных, южных и сибирских деревень по сравнению с северными и западными, а также более развитой транспортной инфраструктурой первых. Современная провинциальная российская община сохраняет важнейшие признаки традиционной общины, выделенные еще Ф. Теннисом [Toïnnies, 1887, S. 17]. Общины одного местного общества связаны между собой исторически и административно. Административное единство в большинстве случаев просто наследует исторические связи. Кроме того, связь упрочена и церковной структурой. Так что локальное общество в организационном отношении пространственно скреплено, как и прежде, родственно-соседскими связями, а в дополнение к ним — государством и церковью.

Многие местные общества в составе их общин имеют длительную историю существования и давно сложившиеся, исторически обусловленные границы. Очень часто и современные административные границы были установлены в соответствии с исторически сложившимися границами между издавна существующими местными обществами или сами местные общества формировались и вырастали в административных границах, создаваемых государ-

ством по резонам экономическим или географическим (как на Урале и в Сибири и особенно на Дальнем Востоке России). Так что нередко оба типа границ, исторические и административные, совпадают.

Община есть социальная целостность, единство, сформированное на «*крови и почве*». Она существует актуально как часть локального общества или может быть, при определенных условиях, самодостаточной, самоорганизующейся и самоуправляющейся системой. Местное общество есть совокупность — композиция — общин, но не всегда оно есть целостное социальное образование.

Второй и третий вопросы, о пространственных границах и территории, естественно вытекают из вопроса о численности местного общества. Только в двух случаях эта задача легко разрешима: в случае полной пространственной изоляции сообщества и в случае наличия непреодолимой физической границы, отделяющей конкретное сообщество от соседей. Но обычно оба случая совпадают. Любое местное общество создает и имеет границы постольку, поскольку оно существует в физической среде, в пространстве, и граница, отделяющая часть пространства от всего остального, превращает это пространство в территорию. Территория есть неперемное условие существования сообщества и жизнедеятельности его членов, поскольку ее размеры зависят от минимально необходимого количества ресурсов, собираемых или производимых для жизнеобеспечения и воспроизводства членов сообщества. Граница задает (определяет) также и территориальную структуру сообщества. А эта последняя, в свою очередь, конституирует сообщество как целостную отдельность. Поэтому территория и ее граница есть обязательный исходный пункт как для состава, так и для структуры любого сообщества. Собственно говоря, территория и создает общину (ср.: [Мердок, 2003, с. 106–108]).

Можно предположить, на основе как эмпирических, так и теоретических соображений, что минимальный размер местного общества составляет не менее 100–500 человек, включая все возрастные когорты (20–150 домохозяйств). Максимальный размер указать гораздо труднее: по моему мнению, это может быть примерно 20–30 тыс. человек (7–10 тыс. домохозяйств). Вероятно, локальное единство и способность к самоорганизации после этого начинают

быстро утрачиваться, и при численности более 40–50 тыс. человек такое единство локальности и взаимная поддержка могут уже слабо ощущаться и самими членами сообщества. Тогда утрачивается локальность вместе с целостностью, то есть утрачивается способность к спонтанной самоорганизации и самоуправлению (обоснование этих расчетов см. подробнее в [Плюснин, 2022, с. 28–32]). На этих масштабах численности необходимы внешние скрепы, каковые и предоставляет предназначенный для этого институт государства (ср.: [Johnson, Earle, 1987; Carneiro, 1981; State Formation and Political..., 1988; Крадин, Лынша, 1995]). Соотнеся сделанные мной оценки с эмпирическими данными, следует указать реалистичные пределы: 100–500 взрослых индивидуумов есть нижняя граница, 40 тыс. человек (включая детей) есть граница верхняя; 20–30 тыс. есть численность большинства наших локальных сообществ. Переводя эти значения в количество общин, составляющих сообщества, следует указывать от 1 до 10–20 таковых. Неопределенность (расплывчатость) верхней оценки количества связанных воедино общин обусловлена как разной численностью членов этих общин (от 50–100 человек до 1000–3000 человек), так и вариативностью количества отдельных поселений в одной отдельной общине (от одного до нескольких десятков).

Определяя физические границы, мы тем самым определяем во многом и социальные границы. Основная причина этого заключается в определенных (граничных) значениях плотности популяции. Усредненные значения плотности могут варьировать в очень широких пределах: от мизерных 0,01 человека на 1 км² (что соответствует 1 человеку на 100 км²) до 100–200 человек на 1 км² (то есть 1–2 человека на 1 га). Но и в первом и во втором случае это свидетельствует о плотности распределения жизненно значимых природных ресурсов, необходимых для поддержания жизнедеятельности общины и всего местного общества. В первом случае это природные ресурсы, а во втором — почти всегда ресурсы социальной природы, созданные деятельностью человека (их правильнее было бы определить как «культурные ресурсы», то есть ресурсы возделанные).

Однако большее значение имеет не средняя плотность населения на всей территории, а плотность населения в администра-

тивном центре сообщества, так как в рамках концепции «центр — периферия» (см.: [Shils, 1975, p. 3–16, 34–47]), или — что то же — в рамках вводимого мной пространственно-организационного принципа общественной жизни любое сообщество всегда представлено двумя комплементарными структурными составляющими: административным центром (обычно малый город) и его сельской округой (см.: [Плюснин, 2022, с. 39–40]). «Разреженность» пространства в среднем может быть и очень велика, но центр должен быть заселен, и заселен с определенной плотностью, не ниже минимально допустимой.

В русском провинциальном обществе плотность в центре составляет, по моим наблюдениям, от 300 до 1000 человек на 1 км², в среднем примерно 400–500 человек на 1 км². Плотность домохозяйств в деревнях сельской округи, конечно, ниже, примерно в 3–10 раз. Поскольку даже по советским официально утвержденным нормативам на одно домохозяйство в селе выделялось не менее 4000 м² земли для хозяйственной деятельности. И это именно та площадь земли, которой достаточно для самообеспечения в умеренном климате России [Кулишер, 2004, с. 207–223]. Но при этом норматив на домохозяйство в малых городах и поселках составлял — и до сих пор составляет — от 400 до 1500 м² (в селах, ставших центрами обществ, норматив выше). Таким образом, исторически сложившаяся плотность обитания (не хозяйствования!) в административном центре провинциального сообщества составляет 500 человек на 1 км² (lim: 300–1000); в деревнях сельской округи плотность снижается на порядок (30–100 человек на 1 км²), а к окраинам контролируемой территории плотность обитания понижается еще сильнее, вплоть до близких к нулевым значениям. Впрочем, определяющее значение имеет не средняя плотность сама по себе, а градиент плотности населения по территории от центра к границам. Градиент плотности определяет территориальную структуру сообщества, является, на мой взгляд, основанием для развития социальной структуры.

Поселения сельской округи могут быть сравнимы со своим центром по численности населения, по истории, могут располагаться в более удобном или даже центральном месте на территории, но если они не облечены административными функциями, то не рассма-

триваются и самими жителями в качестве центра. Сельская округа есть совокупность отдельных поселений (деревни, сёла и посёлки), окружающих город, и отделяется от сельских округ иных локальных обществ исторически определенной и административно зафиксированной территорией.

Небольшие города обычно образуют только одну общину (и всегда только одна община в других типах поселений — в селе и поселке, если они выполняют функции административного центра). Если население города достаточно велико, обычно более 3000–5000 жителей, то начинают образовываться «концы» — выделяться локусы с более тесными соседскими связями, а часто и сегрегированные по этническим и даже по социально-профессиональным признакам. Такие «концы» есть уже сложившиеся общины или предпосылка будущих внутригородских общин.

Сельская округа гораздо лучше дифференцирована на общины: здесь они всегда территориально ограничены. Общины представлены либо одним большим селом, либо несколькими близко расположенными поселениями или же «кустами», которые могут занимать довольно значительное пространство. Между тем, в силу экзогамности браков, все без исключения общины в местном обществе связаны друг с другом родственными и свойскими отношениями их обитателей, нередко такие связи пространственно очень удалены.

Выделенные аспекты провинциального местного общества — социально-территориальный (общинный состав) и пространственно-организационный (центр — периферия) — представляются мне базовыми условиями, необходимыми и важными для анализа неформальных экономических практик населения.

1.2. Типология местных обществ

Для того чтобы исчерпывающе описать и обобщить материалы эмпирических наблюдений многочисленных видов промыслов, необходимо, как мне представляется, определить общие признаки многих локальных сообществ, то есть осуществить типологию множества социальных объектов. Это было выполнено мной в [Plusnin, 2022, p. 57–92], где я осуществлял типологизацию сообществ с ис-

пользованием четырех независимых критериев. Однако для целей обобщения многообразия экономических практик домохозяйств представляется достаточным и необходимым использовать только два критерия. В качестве таковых предлагаю (1) степень пространственной изоляции и (2) причины возникновения и развития общества.

Использование первого критерия позволяет выделить полярные типы: пространственно изолированные и неизолированные общества. В одном случае общество существует в относительной пространственной изоляции, что весьма нередко в российских условиях, связи его членов с внешним миром затруднены. В другом случае по территории проходят транспортные магистрали, имеется развитая энергетическая, промышленная, селитебная, коммунальная и, нередко, информационная инфраструктура, в результате осуществляется интенсивный перенос материальных ценностей, людей и энергии. В первом случае такая ситуация задает тип пространственно изолированного общества, во втором — тип общества, расположенного на транспортных магистралях, который я именую «турбулентным» [Plusnin, 2022, p. 67].

Данная типология имеет эмпирическим основанием степень изолированности сообщества в пространстве относительно других сообществ, своих ближайших соседей. Ключевыми здесь являются два взаимосвязанных фактора: (1) возможность непосредственного и постоянного взаимодействия с соседними обществами с определенной — высокой или низкой — интенсивностью; (2) наличие возмущающего воздействия миграции. Пространственно изолированные сообщества имеют контакты с соседями ограниченной и низкой интенсивности, они не испытывают таких деформирующих и разрушающих воздействий, какие испытывают сообщества, находящиеся в тесном контакте и в непрерывном взаимодействии со своими соседями вследствие миграционных процессов (см.: [Коллиер, 2016, с. 79–152]). Внешнее социальное давление на сообщество проявляется по многим направлениям: в деформации его территориальной структуры (в предельных случаях — в захвате территории соседями и лишении сообщества ресурсов, необходимых для жизнедеятельности), в размывании структуры родственных и соседских

отношений, в насильственном смещении. Если же, благодаря пространственной изоляции, контакты членов локального сообщества с соседями ограничены в той или иной степени, его социальная структура менее подвержена изменениям и имеется вероятность, что структура социальных отношений в пространственно изолированном сообществе будет воспроизводиться с минимальными изменениями.

В противоположность пространственно изолированным местным обществам, выделение которых не представляет трудностей в силу наличия объективных критериев изоляции (в частности, географической удаленности, низкой проницаемости пространства и недостаточно развитых транспортных коммуникаций), выделение типа «турбулентных» обществ основывается на более размытых критериях. Главным из них является наличие транспортной магистрали на территории, обеспечивающей высокую интенсивность переноса ресурсов, энергии и людей. В силу размытости критериев приходится выделять промежуточный тип обществ. Я поименовал такой тип «обычным», или «ординарным», поскольку сюда отнесены все общества, недостаточно четко дифференцируемые по пространственной изоляции. Естественно ожидать, что «ординарного» типа обществ большинство.

Вторая типология — по причинам возникновения и развития общества — основана на критерии наличия/отсутствия внешнего воздействия на возникновение, развитие и наличное существование местного общества. Наблюдаемое общество либо возникло и развивалось естественным путем, в некотором смысле спонтанно, то есть не испытывало какого-либо внешнего воздействия, необходимого для поддержания его существования, либо, напротив, создавалось *de novo* усилием государства по экономическим и/или политическим причинам, и его существование поддерживается внешними силами, прежде всего с помощью материальных и финансовых ресурсов государства. Таким образом, я выделяю два полярных типа обществ: (1) тип «естественного развития» и (2) тип «принудительного развития». Здесь я стою на позициях антропологов-теоретиков, прежде всего Роберта Карнейро и его “Circumscription theory”

[Carneiro, 1970], не потерявшей актуальности с течением времени [Крадин, Лынша, 1995]. Выделенные им три фактора политогенеза в становлении современных обществ (environmental circumscription, resource concentration, social circumscription), по-видимому, действительны и на локальном уровне, да и в современных условиях.

Очевидно, что общества принудительно созданные изначально будут иметь не только разнородный состав входящих в них групп, но и структура их будет задана некими внешними факторами, она будет навязана этому обществу со стороны государства. В естественно развивающихся сообществах состав их имеет внутренние источники формирования, а структура складывается в соответствии с природой.

Два выделяемых типа — это, конечно, идеальные, крайние варианты. В реальности большинство локальных обществ проходит этапы как естественного, так и принудительного развития; они нередко перемежаются друг друга. Известно, что очень многие издавна существующие сообщества имели принудительные источники своего появления, однако в продолжение веков, если они не испытывали радикальных потрясений и не исчезали бесследно, то переходили к естественному пути развития. Поэтому принудительный характер образования и развития описывает преимущественно недавно возникшие общества, состав и структура которых изменялись и изменяются сейчас на наших глазах — в череде ближайших 150–200 лет. Однако нельзя сказать, что критерий естественности/принудительности возникновения элиминирует фактор длительности существования: это зависит от того, насколько состав и структура принудительно созданного сообщества успевают «успокоиться» после «взбалтывания». Исторические наблюдения показывают, что «волнение» может продолжаться долгие десятилетия и века.

В результате применения двух независимых, но аддитивных критериев типологизации возможно создание типологии локальных обществ, выстроенной по этим основаниям. Это дает шесть типов обществ (рис. 1.1; в табл. 2.1 главы 2 представлен список местных обществ с разбивкой на типы):

- 1) пространственно изолированные естественного развития;
- 2) пространственно изолированные принудительного развития;

- 3) «ординарные» естественного развития;
- 4) «ординарные» принудительного развития;
- 5) «турбулентные» естественного развития;
- 6) «турбулентные» принудительного развития.

Как показал дальнейший анализ социальной структуры локальных обществ, эта шестичленная типология может быть без содержательного ущерба редуцирована к четырем типам (см. рис. 1.1). В шестичленной типологии два крайних и полярных по обоим основаниям типа — 1 и 6 — показывают наибольшие различия и в социальной структуре, и в экономическом поведении людей. На рис. 1.1 они помечены как «Тип I» и «Тип IV». Оставшиеся четыре типа сводятся попарно к двум типам по основаниям естественности либо принудительности локального социального развития. В одном случае это общества естественного развития (типы 3 и 5, на рис. 1.1 помечены как «Тип II»). Во втором случае это общества принудительного развития (типы 2 и 4, на рис. 1.1 помечены как «Тип III»).

Объединение пар типов таким образом обусловлено тем, что влияние фактора принудительности развития общества на его структуру (и, в частности, экономическое поведение населения) оказывается более существенным, чем степень изолированности (хотя бы потому, что этот критерий континуальный). Предполагаю, что дифференциация по типологии естественности/принудительности развития связана также с различиями в структуре местной экономики и неформальных хозяйственных практиках населения, поскольку они зависимы от экономического и административного воздействия со стороны государства, прежде всего от возможности привлечения и использования населением государственных финансовых ресурсов и, как следствие, снижения возможностей автономного самообеспечения.

Далее я рассматриваю промысловое поведение населения преимущественно в ракурсе этой «редуцированной» четырехчленной типологии местных обществ. Очевидно, что наиболее разнятся экономические практики населения в двух полярных типах сообществ: пространственно изолированных самообеспечивающихся, с одной стороны, и «турбулентных», зависимых от государственной

Типология 1 \ Типология 2	Общества естественного развития	Общества принудительного развития
Изолированные общества	1 Тип I	2 Тип III 4
«Ординарные» общества	3 Тип II 5	
«Турбулентные» общества		

Рис. 1.1. Выделение типов местных обществ по критериям пространственной изоляции и естественности/принудительности развития. Шесть исходных типов сведены в четыре: типы I и IV противоположны по обоим классификационным основаниям, а типы II и III различаются по основанию принудительности/естественности развития

поддержки, с другой стороны. Между тем обнаруживается и интересная специфика экономических практик населения двух «промежуточных» типов; связана она главным образом с разными источниками привлекаемых ресурсов, на базе которых и осуществляется промысловая деятельность.

Plusnin, Juri M.

Russian Provincial Crafts: Informal Economy of Households [Text] / Juri M. Plusnin; ed. by Simon G. Kordonsky; HSE University. — Moscow: HSE Publishing House, 2024. — 264 pp. — (HSE Monographs: Social and Economic Sciences). — 600 copies. — ISBN 978-5-7598-2931-7 (hardcover). — ISBN 978-5-7598-4058-9 (e-book).

The monograph describes an empirical sociological study of informal economic practices (crafts) in the Russian province. The study was carried out in 2016–2020 and covers about half of the country's regions. The types of crafts are identified and described. The main resources involved in the implementation of households' informal economic activities have been identified. Special attention is paid to archaic crafts in comparison with modern ones. This ratio has been identified as the main condition for the sustainability of local societies. The tendencies of residential specialization of crafts (in cities, towns, and rural areas) are described. The crafts specialization of individual communities and settlements is described. A typology of trades practiced in various Russian local societies has been developed.

For sociologists, economists, specialists in the field of municipal administration.

Научное издание

МОНОГРАФИИ ВШЭ:
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Плюснин Юрий Михайлович

**Промыслы российской провинции:
неформальные экономические практики населения**

Зав. книжной редакцией *Е.А. Бережнова*
Редактор *А.В. Заиченко*
Компьютерная верстка: *Ю.Н. Петрина*
Корректор *А.В. Заиченко*
Дизайн обложки: *И.В. Ветров*

В оформлении обложки использована фотография Ю.М. Плюснина

Все новости издательства — <http://id.hse.ru>

По вопросам закупки книг
обращайтесь в отдел реализации
Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15295, 15296, 15297
bookmarket@hse.ru

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15285

Подписано в печать 03.07.2024. Формат 60×88/16
Гарнитура Alegreya. Усл. печ. л. 16,0. Уч.-изд. л. 12,0
Тираж 600 экз. Изд. № 2777. Заказ №

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru, тел.: +7 499 270-73-59